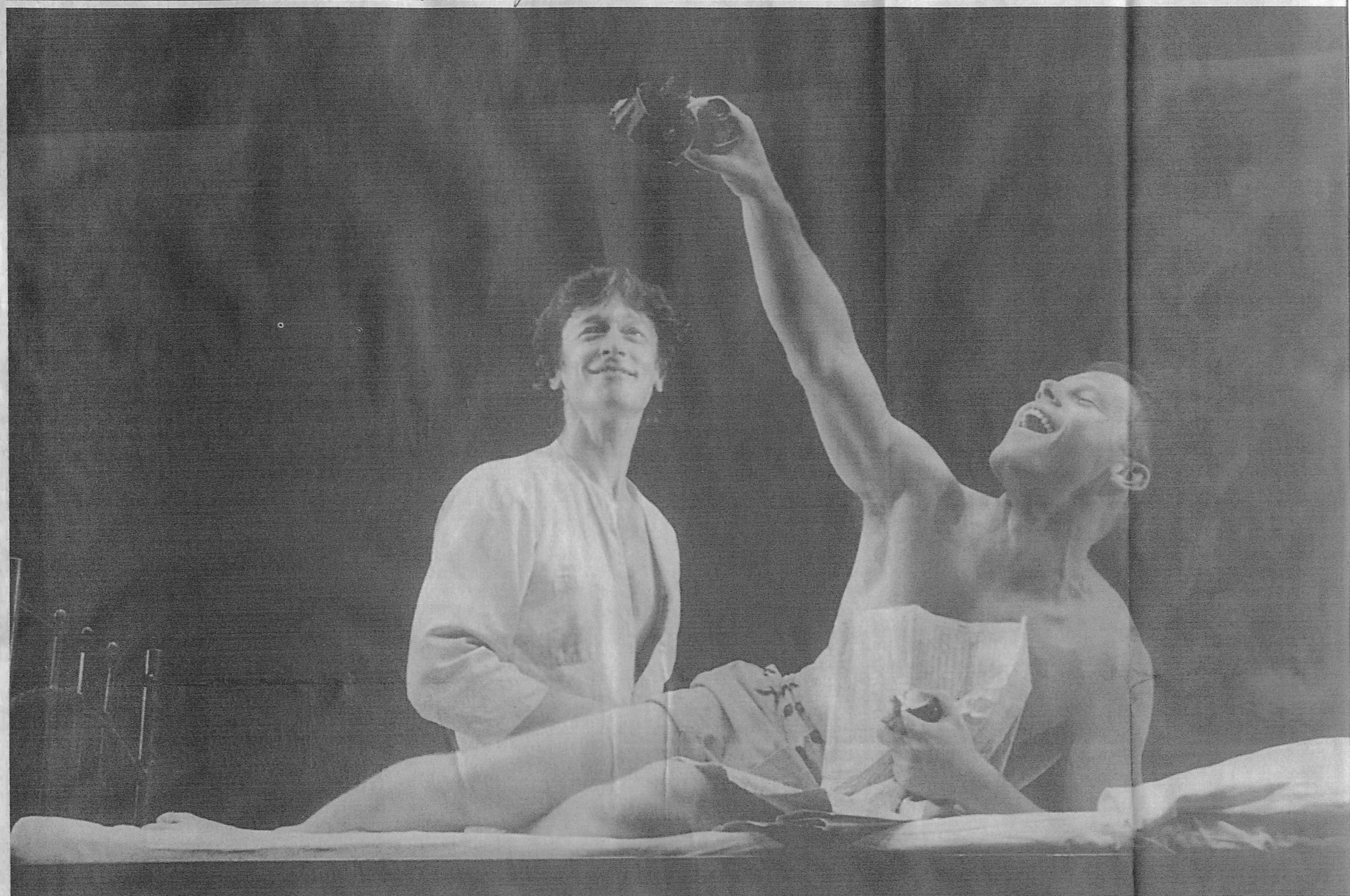

Израильская деревенщина

Театр «Гешер» в Москве

гастроли театр

Коммерсантъ - 2003 - 11 окт - с. 8

Братьев Иоси и Ами играют представители разных театральных школ: Александр Демидов (слева) родился и учился в СССР, Аммон Вольф (справа) — в Израиле. ФОТО МИХАИЛА ГУТЕРМАНА

На сцене МХАТа имени Чехова спектаклем «Деревушка» открылись гастроли израильского театра «Гешер». Он был создан двенадцать лет назад выходцами из Советского Союза под руководством режиссера Евгения Арье. Побывав на спектакле, РОМАН ДОЛЖАНСКИЙ понял, почему с тех пор двуязычный театр ни разу не приезжал с исторической родины на просто родину.

Для открытия гастролей выбрали «Деревушку» по пьесе Иешуа Соболя. Она поставлена семь лет назад. Но судя по отзывам прессы, списку полученных «Деревушкой» наград и перечню городов, куда ее приглашали на гастроли, спектакль Евгения Арье — высшее достижение современного израильского театрального искусства. А сам «Гешер», судя по полному списку его наград и мировых турне, самый популярный театр Израиля. Во всяком случае, гастроли его обставлены как госмероприятие: буклет чуть ли не на треть состоит из приветственных посланий всяких важных чиновников начиная с Ариэля Шарона, министры культуры обеих стран Лимор Ливнат и Михаил

Швыдкой лично произнесли перед занавесом приветственные речи, а господин Швыдкой зачитал еще и телеграмму от Михаила Касьянова. Давно не устраивали такой помпы вокруг гастролей драмтеатра.

После такого играть актерам нелегко. Но спектакль испытание выдержал: он не настолько тяжеловесен, чтобы усыпить своей государственной важностью, но и не настолько эстетически изощрен, чтобы оскорбиться чиновничьим вниманием. На подмостках показывают сценки из жизни еврейского поселения в Палестине 40-х годов, во время и после мировой войны. На самом деле вся эта история разыгрывается в воспоминаниях главного героя Йоси, который сидит на деревенском кладбище и силой своего воображения воскрешает лежащих в земле родных и соседей, смешных и временами трогательных маленьких людей.

Формула этой местечковой еврейской жизни выведена не вчера. В ней есть место стойкой народной философии и мелкому практицизму, неизбывному скепсису и робкой романтике, разговорам с небом и

шуткам со смертью — и нешуточной, настоящей смерти, конечно, тоже есть место. Зато сама жизнь представлена в наивно-фантастических формах: коза и индюк оказываются одушевленными персонажами и конфиденнтами главного героя, каждый из них представлен куклой-телом и актером-душой. Вообще, это такая еврейская комедия дель-арте, где непременно есть традиционные персонажи-маски: деревенский врач, деревенский ребе и деревенский учитель. И обязательно есть пришельцы, чужаки, тоже почти что маски — английский офицер из воюющей с фашистами армии, двое итальянских военнопленных, ссорящихся за первенство между севером и югом Италии, слегка двинутая немка фрау Данкешон, бывшая оперная певица, и еще араб Саид, который в конце концов вынужден уехать, потому что ООН разделила Палестину на арабское и еврейское государства.

Евгений Арье не углубляется в быт и не стучит еврейский колорит. Иврит надежно защищает актеров от местечковых базарных интонаций. «Деревушка» театра «Гешер» представляет

собой крепко сбитый, предельно ясный спектакль для всемирного употребления: евреи могут смотреть его без стыда, антисемиты — без раздражения, все остальные — без особых претензий к качеству. Сцена устроена художником Александром Лисянским очень удобно: посреди зарослей сухого пустынного кустарника установлено вращающееся кольцо, которое доставляет на авансцену участников очередного эпизода и минимум необходимого реквизита. Когда сценка заканчивается, тренькает меланхолическая мелодия, и кольцо плавно увозит персонажей прочь. Один раз, в финале, механика наконец-то срывается немеханически — когда Йоси хватается за ноги своего убитого брата, не давая крутящемуся кругу навсегда увести тело.

В любом другом случае на этом можно было бы поставить точку, но в случае театра «Гешер» именно здесь надо напомнить о самом главном. О том, что и для режиссера, и для большинства играющих в спектаклях «Гешера» актеров родным языком был и остается русский язык. Что все это большинство училось в советских театральных

вузах и играло в советских (московских, ленинградских, рижских) театрах, пока ученик Товстоногова Евгений Арье не позвал их за собой в Израиль, где основал театр, название которого переводится как «Мост». И теперь их судьбу сравнивают со знаменитым театром «Габима», с учениками Вахтангова и Станиславского, за 70 лет до Евгения Арье со товарищи проделавшими тот же путь в священную землю и привившими, в сущности, обитателям этой земли интерес к серьезному драматическому театру как таковому. И еще о том, что со стороны иммигрантского нового театра было, наверное, большой наглостью на ломаном иврите показывать израильтянам спектакль «Деревушка» об истории коренных жителей страны.

Однако Москва пришла смотреть не на наглецов и не на героев, выучивших горловой, крючковатый иврит и теперь играющих спектакли на двух языках попеременно — что, должно быть, не имеет аналогов в мировом театре. Она пришла смотреть на старых знакомых. И тут вдруг стало ясно, почему «Гешер» все эти годы не приезжал

сюда. Организационно-финансовые трудности тут, скорее всего, ни при чем. Сказывалась, думаю, подсознательная боязнь московского гравитационного поля. Ведь еще несколько лет зал засмеялся бы, когда майор Томир, он же Александр Каневский, вдруг заговорил бы со сцены не по-русски. Еще несколько лет назад все они были слишком своими, слишком близкими и не стремились в Москву по той же самой причине, по которой избегают поездки на родину многие эмигранты, — не от обид и не от равнодушия, а от желания зафиксировать дистанцию, то безопасное для психики расстояние, которое можно перейти по мосту, но которое уже нельзя перепрыгнуть. Потому что возвращение означает не что иное, как ответственное расставание навсегда. Перед началом «Деревушки» прожектор высветил чайку на мхатовском занавесе, и со стороны гостей это был знак не ностальгии, а почтительного отстранения. Они чувствуют себя безопасно чужими. Театр «Гешер» приехал в Москву, чтобы окончательно и бесповоротно стать израильским театром.